

Федор Сологуб

БОГДЫХАН

ЭПИЗОДЫ ИЗ РОМАНА, КОТОРЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ НАПИСАН

(Публикация М. М. Павловой)

В 1925 г. в частной беседе с П. Н. Медведевым Федор Сологуб заметил: «Начал писать роман „Опостен“ (Параллель). Вообще многое начато: „Богдыхан“, переводы, романы „Ариадна“, „Про последний класс“, про Пугачева и др.».¹ Ни один из перечисленных замыслов, за исключением отдельных переводов,² воплощен не был; в архиве писателя сохранились первая глава романа «Опостен» (1925—1926),³ а также вступление и первая глава из романа «Богдыхан» (1918).

Никаких других свидетельств современников или авторских заметок о работе над «Богдыханом» мы не встречали. Известно, что, по-видимому, в последних числах июня 1918 г. Сологуб отправил экземпляр рукописи, озаглавленной «Богдыхан. Эпизоды из романа, который может быть написанным» <так!>, в редакцию московской газеты «Жизнь»⁴ (срок отсылки установлен по содержанию текста).

Ежедневная политическая, литературная и общественная газета «Жизнь» выходила с апреля по июнь 1918 г. и прекратила существование на № 59 (от 6 июля). Во главе органа стояли соредакторы: Алексей Алексеевич Боровой (1875—1935) и Яков Новомирский (Даниил Исаевич Кирилловский, 1882—1936); оба — приверженцы политического анархизма.⁵

¹ *Медведев П. Н.* Записи бесед с Ф. К. Сологубом (частное собрание).

² Из крупных завершенных переводов этого периода — поэма провансальского поэта Фредерика Мистрала (Frédéric Mistral; 1830—1914) «Мирейо» (1859), над которой Сологуб работал в 1920-е гг. (перевод не опубликован): РГАЛИ, ф. 482.

³ См.: Из поздних замыслов Федора Сологуба: Фрагмент романа «Опостен» (1925—1926) / Публ. М. Павловой // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 506—517.

⁴ РГАЛИ, ф. 1023 (А. А. Борового), оп. 1, ед. хр. 939, л. 1. Эти ценные сведения сообщил Н. А. Богомолов, публикатор приносит ему благодарность.

⁵ Очерк истории газеты «Жизнь» см. в статье Е. Тахо-Годи «А. Ф. Лосев в историческом пространстве между „Вехами“ и „Из глубины“ (о прозе Лосева и о трех забытых

Сологуб входил в число сотрудников «Жизни» со дня ее основания, в апреле — июне в газете были напечатаны его рассказ «Страстная канитель», несколько стихотворений («У ног распятого Христа» («Не до конца на растерзанье зверю...»), «Пляска смерти» («Пляшет пляску нестройную...») и др.), а также ряд очерков и заметок: «Бегемот» (о встрече представителей интеллигенции с А. В. Луначарским — с целью предотвратить санкционированное властью разрушение исторических памятников и упразднение Академии художеств), «Шипы у розы» (о новой советской бюрократии), «Восстановление», «Злой отдых», «Будни» (о всеобщей разрухе и вере в возрождение страны: «И лежит Россия ныне, как в склепе своем четырехдневный Лазарь. <...> Уже смердит трехдневный, но мне не страшно»)⁶.

Публикация «Богдыхана» в «Жизни» не состоялась, хотя присланный Сологубом материал уже готовили в печать (на первой странице наборной рукописи — редакторская помета: «Показать <нрзб.>»⁷). После серии эсеровских терактов (20 июня был убит комиссар печати, пропаганды и агитации В. Володарский, 6 июля — германский посол граф В. фон Мирбах) поднялась волна «красного террора», все независимые газеты были «прихлопнуты». Но даже если бы «Жизнь» была на время возобновлена, нетрудно предугадать, что номер с публикацией «эпизодов из романа» Сологуба стал бы ее последним выпуском.

События в «Богдыхане» начинают разворачиваться в знаменательную дату: 27 июня (10 июля н. ст.) 1918 г. Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР. В этот исторический день главный герой — Константин Степанович Порезов, проживающий в приволжском городе Лубенце, «средний русский интеллигент, человек либеральной профессии и самых социалистических убеждений», внезапно впадает в летаргический сон. У сограждан возникает мысль об аннулировании Порезова («его бездействие похоже на саботаж», в то время как он получает паек, пользуется «кубатурой воздуха» и жилплощадью). Корыстные замыслы соотечественников предвращает трезвый голос иностранца: «случай интересен для науки». Порезова объявляют собственностью народа, помещают в коммунальную лечебницу

публикации 1918 года в газете «Жизнь») в кн.: *Тахо-Годи Елена*. Великие и неизвестные. М., 2008. С. 443—492.

⁶ В газете были опубликованы произведения Ф. Сологуба: Страстная канитель. Рассказ // Жизнь. 1918. № 10. 4 мая (12 апр.). С. 2; стихотворения: «Хотя сердца и ныне бьются верно...» // № 1. 10 (23) апр. С. 4; Пляска смерти («Пляшет пляску нестройную...») // № 9. 20 апр. (3 мая). С. 3; У ног распятого Христа («Не до конца на растерзанье зверю...») // № 13. 28 апр. (11 мая). С. 3; Над вещью бездною («На свете много благоуханной и озаренной красоты...») // № 32. 20 мая (2 июня). С. 3; Чародейный плат («Призрак ели с призраком луны...») // № 41. 31 мая (13 июня). С. 3; Очерки: Бегемот // № 2. 24 (11) апр. С. 3; Шипы у розы // № 5. 27 (14) апр. С. 3; Будни // № 7. 30 (17) апр. С. 3; Восстановление // № 11. 9 мая (26 апр.). С. 3; Злой отдых // № 48. 22 (9) июня. С. 3. Денежный перевод из газеты «Жизнь» за публикацию рассказа «Страстная канитель» и стихотворений см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 107, л. 12.

⁷ РГАЛИ, ф. 1023 (А. А. Борового), оп. 1, ед. хр. 939, л. 1. Карандашная помета на тексте едва читается, предположительно в ней упоминается Сергей Абрамович Ауслендер (1886?1888—1943), фактически руководивший беллетристическим отделом «Жизни».

и «показывают за деньги», его тело на несколько лет становится достопримечательностью Лубенца («спящий человек»).

Пробуждение героя приурочено к великим торжествам, устроенным по случаю приезда в Лубенец Великого повелителя — Богдыхана (рассказчик называет его «китайцем или монголом», попутно выясняется, что Богдыхан — российского происхождения и к тому же автор многих книг). Великий повелитель пожелал познакомиться с «проснувшимся товарищем»; в этот торжественный час восставший от сна Порезов «сразу поймет существо происшедшей в стране перемены». В образе священного государя или Великого повелителя, вероятно, должен был предстать «вождь мирового пролетариата».

На этом эпизоде повествование обрывается или заканчивается. Намеревался ли Сологуб продолжать работу над романом о новом «монгольском нашествии»: состоялась ли встреча Порезова с Великим Богдыханом и чем она для него закончилась, как герой воспринял перемены, произошедшие в стране, — неизвестно. Косвенные ответы на эти вопросы прочитываются в сатирических зарисовках нового советского быта, в ядовитых аннотациях к ним, вложенных автором в речь рассказчика, в метафорическом финале: «— А нам дадут поесть? — спросил я. — Мы стали фигурами на полотне, и не чувствуем голода»; и далее: «Я почувствовал, что он почти прав. Акт зрения не требовал большой затраты сил».

Актом развоплощения персонажей (превращения субъекта в изображение) Сологуб вполне мог закончить произведение, суть которого — предсказание судьбы культуры в условиях диктатуры, форма — литературно-политический памфлет. В определенном смысле «Богдыхан» предвосхитил сатирические шедевры М. Булгакова и Е. Замятина.

Вместе с тем структура текста осталась открытой, на это указывает подзаголовок: «Эпизоды из романа, который может быть написан» и его первоначальный вариант: «Эпизоды из романа, который может быть написан некогда». Автор оставил за собой право дополнить сюжетное действие, завершенное или временно приостановленное, новыми эпизодами. Подобная структура текста как нельзя лучше подходила для публикации в газете, особенно в обстоятельствах чрезвычайного времени (под угрозой запрещения выпуска в любой момент) и уже была опробована Сологубом. Писатель принимал участие в коллективном романе «Чортова дюжина», печатавшемся в «Петроградском Голосе» в июне 1918 г. вплоть до запрещения: каждый последующий автор подхватывал как эстафету главы, написанные предыдущим, без предварительной договоренности об их содержании и сюжетных поворотах.⁸

Принципиальная установка на незавершенность текста, обозначенная в заглавии, дает почву для самых разнообразных гипотез относительно авторского замысла.

Можно предположить, например, что импульсом к созданию «Богдыхана» послужил роман А. Богданова «Красная звезда» (1908),

⁸ О «Романе 13-ти», получившем также название «Чортова дюжина», см.: Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 280—288.

вновь переизданный в 1918 г. Об этом романе Сологуб упоминает во вступительной части («Необходимое вступление») — в перечне классических социалистических утопий; там же он приводит классификацию наиболее известных научно-фантастических и утопических произведений мировой литературы.

Личность Александра Алексеевича Богданова (наст. фам. Малиновский; 1873—1928) могла представлять для Сологуба немалый интерес; он вполне подходил на роль прототипа Георгия Триродова («Творимая легенда», 1907—1913). Ученый-естествоиспытатель, предвосхитивший некоторые положения кибернетики, врач, создатель Института переливания крови (1926; погиб, производя опыт на себе), экономист, видный революционер, писатель — Богданов в значительной степени аккумулировал в себе черты идеального сологубовского героя. Космический корабль, построенный Триродовым, — вариант этеронефа, межпланетного корабля из «Красной звезды».⁹

Книга Богданова получила высокую оценку критиков социал-демократического направления,¹⁰ в том числе Луначарского;¹¹ в ней видели «добросовестное изложение социалистической программы пролетариата в том виде, как она понималась революционным крылом социал-демократии»;¹² по словам Н. И. Бухарина, революционная молодежь читала роман «с трепетом и восторгом».¹³

С первых дней установления власти большевиков Сологуб внимательно следил за партийной литературой и пропагандой, особенно бдительно в поздние годы, когда возглавил Ленинградское отделение Союза писателей (1924—1927). М. В. Борисоглебский, исполнявший должность секретаря Правления ВСП при Сологубе, вспоминал, как однажды застал его за чтением коммунистического бестселлера «Азбука коммунизма» (с 1919 по 1926 г. многократно переиздавался): «Учиться придется до конца. Вот видите, — и показал мне книгу Бухарина, — политграмоту. Поля ее были мелко исписаны карандашом. — Читаю. И вам советую. Не пренебрегайте книгами. В каждой книге есть что-нибудь полезное. Я вот читаю, так на каждой странице для меня тема, повесть, проекция романа. Каждая строка повод для стиха».¹⁴ На книгу Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского поэт откликнулся басней «Конь, лошаки и шалун» (1925), которая заканчивается строками: «Когда даешь уроки Октября, / То будь в отъезд согласен».¹⁵

⁹ Это сходство было также отмечено А. В. Сысоевой в магистерской диссертации «История текста романа Ф. Сологуба „Творимая легенда“» (СПб., 2008).

¹⁰ Обзор критических отзывов о романе «Красная звезда» см. в примеч. Г. Д. Гловели к книге: Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 468—469.

¹¹ Луначарский А. В. А. Богданов. «Красная звезда» // Образование. 1908. № 5. С. 119—120.

¹² Легран Б. Предисловие // Богданов А. Красная звезда. Л., 1929. С. 4.

¹³ Бухарин Н. И. На новом поле. М., 1928. С. X.

¹⁴ М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 2007. № 2. С. 110.

¹⁵ Полный текст басни см.: Сологуб Федор. Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 171—172.

Возможно, в противовес «Красной звезде», Сологуб предполагал развернуть свой замысел в духе антиутопии, наподобие романа «Багровое царство» (1908) Дэвида М. Перри, отождествлявшего социализм с каторгой, тюрьмой и самым циничным деспотизмом, — послужившего, как известно, одним из источников «Мы» (1920) Е. Замятина.¹⁶ В «Богдыхане» встречаются прямые цитаты из статей идеолога пролеткульта, а также иронические отсылки к его книгам («Вопросы социализма», 1918; «Искусство и рабочий класс», 1920). Совпадение первых корневых букв заглавия романа и фамилии «оппонента» (*богд*), по-видимому, также не случайно.

Впрочем, заглавие «эпизодов из романа» предполагает и другие коннотации, помогающие эксплицировать авторский замысел: Богдыхан — от *монг. богдохан* — священный государь — термин, которым в русских грамматах XVI—XVII вв. называли императоров Китая династии Мин (1368—1644).¹⁷ Оно соотносит текст с произведениями панмонголистской ориентации, варьирующими идею китайской опасности, традиционную для русского исторического мышления от Вл. Соловьева («Враг с Востока», 1892; «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе», 1900 и др.) — до В. Брюсова («Грядущие гунны», 1905), А. Белого («Петербург», 1913—1914), А. Блока («Скифы») и др.

«Богдыхан» — не единственное произведение Сологуба этого времени, в котором революция отождествляется с новым «татаро-монгольским игом», торжеством азиатчины (дикости), нашествием варваров. Эмблематично (по названию) «эпизоды из романа» перекликаются с неопубликованным политическим памфлетом Сологуба «Китайская республика равных» (не позднее июня 1921). Местонахождение рукописи неизвестно; возможно, она утрачена, а возможно, сохранилась в архиве А. М. Горького. Как и «Богдыхан», это произведение не зафиксировано в авторском библиографическом указателе к прозе,¹⁸ который Сологуб исправно вел вплоть до своей предсмертной болезни, т. е. до последних месяцев 1927 г.

Единственное свидетельство о бытовании «Китайской республики равных» встречается в рецензии В. Ходасевича на книгу воспоминаний З. Гиппиус «Живые лица» (Прага, 1925); в частности, в связи с пятым мемуарным очерком — «Отрывочное. О Сологубе» он сделал следующее дополнение: «Рассказывая о Сологубе и его покойной жене, З. Н. Гиппиус пишет, как они собирались в Париж, но их не выпустили из России. Это не совсем так. Ни З. Н. Гиппиус, ни сам даже Сологуб не знают некоторых подробностей этой истории. Весной 1921 года Луначарский подал в Политбюро заявление о необходимости выпустить за границу больных Сологуба

¹⁶ См., например, об этом: *Ануфриев А. Е.* Неизвестный источник романа Е. Замятина «Мы» (Д. Перри «Багровое царство») // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Тамбов, 1997. Кн. 5. С. 77—85.

¹⁷ В ходе Китайской революции (1911—1913) Монголия получила автономию (1911), последним теократическим и религиозным правителем страны был Богд Хан Восьмой (Богд хаан Жавзундамба (Джавздандамба), 1869—1924).

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 546.

и Блока. Политбюро почему-то решило Сологуба выпустить, а Блока — задержать.¹⁹ Узнав об этом, Луначарский написал в Политбюро истерическое письмо, в котором, хлопоча о Блоке, погубил Сологуба. Содержание письма было приблизительно таково: „Товарищи! Что вы делаете? Я просил за Блока и Сологуба, а вы выпускаете одного Сологуба, задерживая Блока, который — поэт революции, наша гордость, и о котором даже была статья в Times'e! А что такое Сологуб? Это наш враг, ненавистник пролетариата, автор контрреволюционного памфлета «Китайская республика равных...»“ Дальше следовали инсинуации, о которых я не хочу повторять. Зачем нужно было, обеляя Блока, чернить Сологуба, — тайна Луначарского. Как бы то ни было, его донос на Сологуба я читал в подлиннике. Он датирован, кажется, 22 июня 1921 года²⁰».²¹

В своей рецензии Ходасевич обнародовал обстоятельства несостоявшегося отъезда в эмиграцию Сологуба и его жены — писательницы и переводчицы Ан. Н. Чеботаревской (1876—1921), впервые назвав подлинную причину постигшей их неудачи — памфлет «Китайская республика равных», которым Луначарский оперировал как «вещественным доказательством» «контрреволюционных» настроений Сологуба. В результате писательской чете было отказано в выдаче заграничных виз, несмотря на многократные обращения в правительство с просьбой о разрешении выехать за рубеж для поправки здоровья (1918—1920).²²

В письме Ходасевичу от 15 сент. 1925 г. в ответ на его «дополнение» к этому сюжету Гиппиус заметила: «Если некоторых фактов я до сих пор не знаю, то других не знаете вы. (Между прочим — о Сологубе и его «Париже» я кое-что знаю из прямых источников, вам известное. Но что я очевидно *не могла* написать)».²³

¹⁹ См. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о выезде за границу писателя Ф. К. Сологуба от 12 июля 1921 г. и об отклонении ходатайства А. В. Луначарского и А. М. Горького об отпуске в Финляндию А. А. Блока: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 25.

²⁰ Имеется в виду письмо А. В. Луначарского в ЦК РКП (б) от 15 июля 1921 г., в котором он заявил: «Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием „Китайская республика равных“» (Там же. С. 27—28).

²¹ Ходасевич Владислав. З. Н. Гиппиус. «Живые лица» // Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922—1939. С. 133—134. Впервые: Совреманные записки. 1925. Кн. 25. С. 535—541. Об истории несостоявшегося отъезда четы Сологуб во Францию см.: Шенелев В., Любимов В. Художник и власть // Источник. 1995. № 5 (18). С. 66—71; Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 299—300.

²² См. письма Ф. Сологуба А. В. Луначарскому, Л. Д. Троцкому, В. И. Ленину: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 14, 20—21; см. также письмо Ф. Сологуба Л. Б. Камневу от 6 мая 1920: Фрезинский Борис. Писатели и советские вожди. М., 2008. С. 26—28.

²³ Гиппиус Зинаида. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Ann Arbor, 1978. С. 41. Вероятно, Гиппиус имела в виду письмо Сологуба от 1922 г., в котором он оповещал ее и Д. С. Мережковского о гибели Ан. Н. Чеботаревской и невозможности для него отъезда

О причине замалчивания деталей сологубовской истории догадаться нетрудно: по негласной конвенции бывших соотечественников в зарубежной печати было не принято сообщать сведения, которые могли бы повредить лицам, находившимся в России в заложниках у большевиков — «внутренним эмигрантам».

Оставляя в стороне мотивы допущенной Ходасевичем оплошности, приходится признать, что из его рецензии мы узнаем примечательный факт из творческой биографии Сологуба, упоминаний о котором в других источниках не встречается (письмо наркома просвещения в Политбюро, пересказанное Ходасевичем, впервые было опубликовано в 1990 г.).²⁴

Хотя текст памфлета «Китайская республика равных» неизвестен, его суть и пафос можно предугадать, — отчасти благодаря реплике Луначарского, отчасти — по содержанию «Богдыхана». Как памфлет, так и «эпизоды из романа» формально указывают на недавние исторические события: Китайскую революцию 1911—1913 гг., в результате которой была провозглашена Китайская Республика, а Монголия получила автономию, — ее последним теократическим и религиозным правителем стал Богд Хан Восьмой.

Принимая во внимание характерную для писательской манеры Сологуба склонность к «игре» с читателем, можно предположить, что в заглавии памфлета содержался издевательский намек на апологетические статьи Ленина о Китайской революции, опубликованные в «Правде» и «Невской Звезде» в 1912—1913 гг.: «Демократия и народничество в Китае», «Пробуждение Азии», «О китайской революции», «Обновленный Китай», «Отсталая Европа и передовая Азия».²⁵

Фактически же оба текста обращены к последствиям Октябрьской катастрофы, которые Сологуб осмысляет на языке традиционной образности, общепонятной (по умолчанию) в кругах оппозиционной интеллигенции. Ср., например, запись З. Гиппиус в «Черной книжке» (1919): «Хоть бы раньше <...> европейцы полюбопытствовали взглянуть, что происходит с Россией. А происходит, приблизительно, то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски — и пируют».²⁶

Тематическая и жанровая связь «Богдыхана» с утраченным (или пока ненайденным) памфлетом недоказуема, в то же время она представляется более чем вероятной. Не исключено даже, что «Богдыхан», после неудачи с публикацией в «Жизни», стал известен под названием «Китайская республика равных», или же является его художественным аналогом (текстом-двойником). Подтвердить или опровергнуть это предположение можно было бы при сличении рукописей, отсутствие же одной из них актуализирует другую. Но и вне гипотетического тожде-

---

в Париж, текст письма см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 299—300.

²⁴ Полный текст письма Луначарского от 15 июля 1921 г., которое пересказывает Ходасевич, приведен в статье: *Дидушина Н.* Александр Блок. «Открой мои книги: там все, что свершится». Как решалась судьба поэта // Литературная газета. 1990. 28 нояб. № 48. С. 7.

²⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 21. С. 155, 400—406; Т. 22. С. 189—191; Т. 23. С. 145—146.

²⁶ *Гиппиус Зинаида.* Дневники / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. Т. 2. С. 231.

ства / приемственности обсуждаемых «контрреволюционных» текстов «Богдыхан» вносит существенную и недостающую деталь в творческий портрет позднего Сологуба.

Текст «Богдыхана» сохранился в виде свода вариантов разного объема и разной степени завершенности: черновых автографов и авторизованных машинописных копий с авторской правкой (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 56); сохранилась также наборная рукопись из газеты «Жизнь» — авторизованная машинопись с несущественными разночтениями, в том числе в названии — «Богдыхан. Эпизоды из романа, который может быть написанным» (РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 939).

В настоящей публикации текст воспроизводится по наиболее полному варианту: авторизованной машинописной копии эпизода первого («Необходимое вступление») и беловому автографу эпизода второго («Глава II. Пробуждение»). Текст публикуется в соответствии с современной нормой орфографии, но с сохранением отдельных особенностей авторской пунктуации. В Приложении приводятся вариант самого раннего чернового наброска, не вошедшего в публикуемые фрагменты и промежуточные варианты.

Богдыхан

Эпизоды из романа, который может быть написан

I. Необходимое вступление

Если этот роман будет написан в более или менее отдаленном будущем, то это будет исторический роман. Возможно, что автор его — сам еще будущий, что особенно приятно и удобно в наши дни, когда так много всевозможных бывших; возможно, что он еще не рожден и что само зачатие его будет определено особым декретом, основанным на точных выводах строгой науки. Возможно, что сочинять этот роман будет не тот или другой индивидуум, — индивидуализм всегда подозрителен и легко впадает в контрреволюционность и саботаж, а иногда и в провокационную ложь, — а явится автором романа коллектив, какой-нибудь совпис или соврапис (совет рабочих писателей, — примечание для недогадливых). Весьма вероятно, что, за совершенным упразднением книгопечатания и буржуазной грамотности, роман даже будет не написан, а насказан одним или многими голосами, поочередно или хоровым способом, в какую-нибудь диктовально-говорильную машину, и затем будет не читаться каждым желающим про себя, что претит здоровому чувству настоящего коммуниста, а выслушиваться, в очередь с другими произведениями словесности, в муниципальных комитетах неэксплуататорских классов (эксплуататоры могут читать глазами старенькие книжки бывшего Пушкина).

Не исключена даже такая возможность: прогресс техники, без которого немислимо правильное социальное развитие, достигнет столь высокой степени, что будут изобретены машины, автоматически комбинирующие элементы здорового и бодрого поэтического творчества, соответствующего классовому самосознанию трудового человечества. В таком случае труд совраписов сведется только к обсуждению, голосованию и распределению по машинам, сообразно установленным родам словесного искусства, этих основных элементов. Машина уже сама будет, сама притом регулируя свой ход, выбрасывать готовые, под механическим наговором винтообразно нацарапанные цилиндры, которые по особым самодействующим проводам будут поступать один

за другим в говорильные машины, непрерывно (или по-русски лучше сказать «перманентно») самовращающиеся и произносящие громко, отчетливо, неторопливо романы, стихи, рассказы и прочие образцы словесности.

Вообще же, всех богатых возможностей будущего предвидеть невозможно. Недаром о машинном производстве г. А. Богданов говорит, что «его прогресс идет с возрастающею быстротою, и делается все более планомерным, все менее зависящим от случайности изобретательского гения» (А. Богданов. Вопросы социализма. М., 1918, стр. 5).¹

Но для меня, живущего в 1918 году, эти эпизоды — не рассказ о настоящем, — его я могу знать только весьма недостаточно или по малому кругу лично наблюденного и испытанного, или по сообщениям других людей. А эти сообщения, как установлено, часто представляют заведомую ложь для сеяния паники, для подрывания доверия, для ниспровержения советской власти и для прочих гнусных целей. Это — и не рассказ о прошлом: знание прошлого весьма засорено многими буржуазными измышлениями.

Таким образом, всякое сказывание о настоящем или о прошлом может вызвать весьма серьезные и веские возражения. Я же предлагаю рассказ о будущем, в котором еще никто не имеет части. О моем рассказе всякий волен думать как о продукте чистого воображения. Ведь будущего не знает никто, кроме Бога и еще тех немногих, перед которыми некто слегка приоткрывает дверь в мир многообразных, еще не использованных жизнью возможностей, в ту дивную мастерскую, где Судьба то принимает заказы от прихотливой мечты сильного человека, то сама выбирает и примеривает фасоны, в которые по своей воле рано или поздно она нарядит Жизнь.

Спросят:

— Что же это, утопия?

Отчасти да. Но не совсем. Эпизоды, которые я хочу рассказать, пожалуй, не подойдут ни под один из трех видов утопий, которые мне случилось прочесть.

Одни утопии изображают общественный строй, весьма совершенный, по мнению автора. Автор как бы соблазняет человечество приступить к осуществлению его мечты, чтобы уже на земле достигнуть невозмутимого счастья («Утопия» Томаса Мура, «Город Солнца» Кампанеллы, «Икарция» Кабэ, «Вести ниоткуда» Вильяма Морриса. «Через сто лет» Беллами, «Сон в зимнюю ночь» К. С. Мережковского, «Волшебная лавка» Блэчфорда, и многие другие, вообще большая часть утопий).²

Другие утопии изображают такой строй, который может при известных условиях осуществляться, но который, по мнению автора, нехорош, так что утопия пишется для предостережения человечества, увлекающегося или увлекаемого на опасные пути («Багровое царство» Перри, «Когда спящий проснется», «Грядущие дни» и «Машина времени» Уэллса).³

Третий вид утопий дает изображения такого строя, который, по вере автора, неизбежно осуществится, а может быть, уже и существует

на планете, где мыслящее население достигло развития («Красная звезда» Богданова).

Но события, о которых я расскажу, не относятся к строю желанному, или отвратительному, или неизбежному. И никакой поучительной тенденции у меня нет. Самые обстоятельства моего рассказа предстали моему сознанию помимо моей воли.

Однажды ясным летним утром я проходил вдоль берега Волги.⁴ Трава была глубокого травно-зеленого цвета и пестрела цветочками белыми и желтыми, иногда голубыми и синими, очень наивных, деревенских оттенков. Цвет песочного берега был отчетливый песочно-желтый. Ровная поверхность Волжского открытого предомногоя плеса переходила от ясного синего до лилового тона. Вдали я увидел красный платочек и вспомнил о красном цвете, которого здесь было так мало. Я подумал, что кроме научно прославленного профессором Тимирязевым красного цвета⁵ очень хорош желтый цвет. Обыкновенный, но все же очень элегантный. Цвет золота, солнца и лимона.

Этот цвет, собрав со всей земли все свои оттенки от границы с оранжевым (а через него и с превосходным бодрым красным) до противоположной границы с зеленым (посредством этого с унылым синим), все переливы золота, меди, подсолнечника, лютика, пожелтевшей листвы, шафрана, соломы, ржи, меда, воска, старой слоновой кости, сливок, и уже не припомню сразу, каких еще предметов, выделил из себя веселого духа. Дух желтого цвета предстал предомногую во образе желтолицего старого китайца в желтой шелковой одежде. Любезно улыбаясь и сияя лучами морщинок, бегущих на виски от лукавых узких глаз, он сел рядом со мною на берегу Волги и на черном экране будущего стал показывать мне разные картинки.

Дух сидел очень спокойно, и никакого рабочего около экрана я не видел. Думаю, что картины на экране производились автоматически-регулярным механизмом.

Китаец был очень любезен, — это же был дух старой культуры. Он не заставил меня самого сесть на машину времени и принимать собственными боками все толчки будущего. Он сказал мне:

— Вы только смотрите.

И в будущее пустил среднего русского интеллигента, человека либеральной профессии и самых социалистических убеждений. Константин Степанович Порезов сначала был мельком показан мне в наши дни.

В быстро мелькающей смене картин я видел, как Порезов сперва шумно восторгается, потом тихо радуется, потом задумывается, потом удивляется, потом огорчается, и наконец, утомленный этою меледою чувствований, засыпает в своей уплотненной квартире, на кровати, вдвинутой между письменным и обеденным столами, в ненастный вечер 27 июня 1918 года,⁶ в приволжском городе Лубенце. Жена не может добудиться его ни утром, ни днем и бежит за доктором. Врач смотрит и не знает, что делать. Заключает, наконец, что Порезов погрузился в глубокий летаргический сон.

Проходят дни, недели, месяцы, годы, — Порезов спит. Его жена имеет неприятные объяснения с продовольственной управою,

с жилищною комиссиею и еще с какими-то казенными учреждениями. Так как Порезов прописан, то он обладает правом получать паек. Но он не потребляет пищи; если паек на него отпускают, то его жена будет есть за двоих, а это несправедливо. Если же пайка не отпускать, то можно ли считать Порезова жительствовавшим в Лубенце? Кроме того, он и не дышит, и потому кубатурою воздуха в данной квартире, — говорят в соответствующем месте, — может воспользоваться еще один человек. И вот квартира снова уплотняется.

Новый насельник квартиры находит, что Порезов мешает. Притом же его бездействие похоже на саботаж. Заходит речь об аннулировании Порезова.

К его счастью, германский лейтенант, приехавший по делам службы в Лубенец, заявляет, что этот случай интересен для науки. Тогда Порезова объявляют собственностью народа. Его помещают в коммунальную лечебницу, в особую палату, и показывают за деньги. Он приносит доход трудовой коммуне. В новых изданиях Бедекера отмечена достопримечательность Лубенца — спящий человек.

Врач навещает его сначала ежедневно, а потом реже: в состоянии спящего не замечается перемен. В городе же слагается такая легенда: в тот день, когда Порезов проснется, что-то будет.

Наконец быстрое мелькание картин замедляется. Больничная палата становится предо мною очень отчетливою и реальною. И уже мне кажется, что волжский берег, и китаец, и я — только висящая на стене картина местного живописца Царнаха,⁷ а настоящая жизнь там, где под красным одеялом начинает дышать и шевелиться Порезов, собираясь проснуться.

Я жду, и пока еще Порезов не совсем проснулся, спешу кое о чем спросить китайца.

Глава II. Пробуждение

— Скажите, любезный дух желтого цвета, — начал я, — отчего проснулся спящий?

Китаец тихонько и очень вежливо захихикал, обмахнулся веером, и с бессмертно-любезною улыбкою отвечал:

— Сегодня самый удобный день для его пробуждения по трем причинам, известным нам, и по многим причинам, более глубоким и от людского ведения сокрытым. Первая причина: жители этого города сегодня все отвлечены великим торжеством, и потому не беспокоят и не смутят проснувшегося. Вторая причина: сегодня он сразу поймет существо происшедшей в стране перемены. Третья причина: сегодня к вечеру прибывающий в Лубенец великий повелитель пожелает видеть спящего, и великому господину приятно будет говорить с ним благо-склонно и милостиво.

— Какое торжество сегодня?

— Прибытие великого богдыхана.

— Какое дело богдыхану до Лубенца и Лубенцу до богдыхана?⁸

— Пролетариат всех стран соединился, уничтожил буржуазный строй и государственные границы, и для укрепления диктатуры

пролетариата решил во главе Мирсика⁹ поставить наследственного богдыхана.

— Значит, китаец или монгол царствует над всею землею?

— Никто не царствует, — правит пролетариат. Богдыхан — не китаец и не монгол, — разделения на племена теперь нет. Богдыхан родился в бывшей столице бывшей России и с детства говорил по-русски. Богдыхан написал на этом наречии много мудрых и прекрасных книг.

— Он — писатель?

— Богдыхан — работник профсовписа и инструктор пролколписа.

— Как же он сделался богдыханом?

Китаец отвечал мне уклончиво:

— Мудрость не стремится к скорому познанию бывшего. Не знающий настоящего не поймет истинного течения событий. Узнаем сначала то, что увидит проснувшийся товарищ Порезов, — он же, кстати, проснулся и удивляется.

В это время Порезов, действительно, уже совсем проснулся. Оглядывался и, конечно, удивлялся. Все вокруг было ему совсем незнакомо, и привычных вещей не было видно, и жена не показывалась. Да и вообще никого здесь не было. Лицо Порезова принимало все более недоумевающее, смущенное и виноватое выражение. Еще он не понимал, в чем он сегодня виноват, но русскому интеллигентному человеку всегда свойственно чувствовать себя виновным. В первую очередь перед народом, у которого мы все, как известно, в неоплатном долгу.

Увидавши в стене около постели белую пуговку электрического звонка, он долго глядел на нее, что-то обдумывая. Наконец, решился, потянулся неспешно, и робко нажал пуговку. Где-то близко откликнулся резкий звонок. Порезов вздрогнул, отодвинулся и лег смиренно-хонько, и по лицу его было видно, что он с тревогою ждет последствий своего смелого поступка.

Скоро в комнату вошла молодая девица, крепкая, сильная, миловидная, в легком платье, с голыми руками и босыми ногами. Она строго посмотрела на проснувшегося, но, увидев, что он посматривает на нее опасливо, она улыбнулась, подошла к его кровати, и спросила:

— Выспались, товарищ? Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, очень хорошо, — робко говорил Порезов.

— Ну, вам придется подождать, пока врач не посмотрит вас. Полежите, я вам принесу чего-нибудь поесть.

Расхрабренный Порезов начал было:

— А скажите, пожалуйста...

Но девица решительно повернулась и вышла.

Я спросил:

— Почему эта прекрасная девица босая?

Китаец отвечал:

— А вы думаете, что сапожники и чулочники станут работать лишние часы, чтобы сделать башмаки и чулки в таком неограниченном количестве? Лишней работы ни от кого нельзя требовать, и никто не получает того, в чем нет необходимости.¹⁰

— Это очень суровое правило, — сказал я.

Китаец улыбнулся и промолчал.

— А нам дадут поесть? — спросил я.

— Мы стали фигурами на полотне, и не чувствуем голода.

Я почувствовал, что он почти прав. Акт зрения не требовал большей затраты сил.

¹ Точная цитата из брошюры А. Богданова «Вопросы социализма».

² В тексте перечислены классические произведения жанра: «Утопия» (1516) английского гуманиста, писателя и политического деятеля *Томаса Мора* (Sir Thomas More, более известный как Saint Thomas More; 1478—1535); «Город Солнца» (1623) итальянского философа *Томмазо Кампанеллы* (Tommaso Campanella; 1568—1639), а также популярные в России на рубеже XIX—XX вв. утопии и произведения научной фантастики: «Путешествие в Икарию» (1840) французского публициста, писателя-коммуниста *Этьена Кабе* (Étienne Cabet; 1788—1856); «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (1890) английского поэта и художника, близкого группе «прерафаэлитов», *Уильяма Морриса* (William Morris; 1834—1896); «Через сто лет» (1888; в рус. пер. под названиями: «Взгляд на прошлое», «Золотой век», «В 2000 году») американского фантаста *Эдварда Беллами* (Edward Bellamy; 1850—1898); «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь» (1903) ученого-естественника, философа и писателя *Константина Сергеевича Мережковского* (1855—1921; брата писателя Д. С. Мережковского); «Волшебная лавка» (1907; в рус. пер. также под названием «Страна чудес») английского писателя-социалиста *Роберта Блечфорда* (Robert Peel Glanville Blatchford; 1851—1943).

³ Имеются в виду: роман «Багровое царство: Социал-демократическая фантазия» (1908) американского фантаста *Дэвида Маклина Перри* (David MacLean Perry; 1852—1915); романы «Когда спящий проснется» (1895), «Машина времени» (1895), повесть «Грядущие дни» (1911) английского писателя *Герберта Джона Уэллса* (Herbert George Wells; 1866—1946).

⁴ Вероятно, автобиографический мотив: лето 1918 г. Сологуб и Чеботаревская проводили в усадьбе Княжино на Волге под Костромой (арендовали ее с 1915 г.).

⁵ Речь идет о явлении фотосинтеза растений, открытом в 1870-е гг. основоположником русской школы физиологов растений *Климентом Аркадьевичем Тимирязевым* (1843—1920); посредством фотосинтеза происходит обогащение кровеносной системы кислородом, главную роль в этом процессе играют эритроциты (красные кровяные тельца).

⁶ Дата погружения Порезова в летаргический сон (день принятия первой Советской конституции), вероятно, имеет иронический подтекст. Об отношении оппозиционной интеллигенции к этому государственному мероприятию см., например, в передовице «Жизни» под заголовком «Советская конституция»: «...при ближайшем рассмотрении „конституция“ касается не граждан, не к ним относится. Она обращена к самой советской власти, проектирует ее реорганизацию. Это — бюрократический проект» (1918.20 (7) июня. № 46. С. 1).

⁷ *Царнах Борис Николаевич* (1894—1937) — живописец, популярный в Костроме в первой трети XX в. (в 1914—1916 гг. учился в художественной школе Н. П. Шлейна в мастерских А. П. Токарева); руководил художественной студией в Костроме, работы Царнаха хранятся в Костромском художественном музее. См. о нем в статье Ан. Чеботаревской «Оазис в пустыне» (Народная свобода (Кострома). 1917. 6 окт. № 123), посвященной Второй художественной выставке Костромского Художественного общества.

⁸ *Какое дело богдыхану до Лубенца и Лубенцу до богдыхана?* — Перифраз иронической реплики Гамлета из трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» (1601): «Что он Гекубе, что ему Гекуба?», ставшей крылатым выражением.

⁹ *Мирцик* — пародийная авторская аббревиатура: Мировой Центральный Исполнительный Комитет.

¹⁰ Мотив из романа Дэвида М. Перри «Багровое царство», в котором пародируется социалистическое общество. Ср.: «Рабочих депутатов переименовали в инспекторов.

Инспекторский штаб сделал точное исчисление, сколько нужно изготовить пар обуви, сколько платья и прочего, чтобы удовлетворить народную нужду, а также рассчитать, сколько каждому работать, чтобы требуемое количество всегда имелось налицо» (СПб., 1908. С. 181).

Приложение

Богдыхан (Эпизоды из романа, который будет написан некогда)

В городе было тревожно и шумно. Обыкновенно сонный провинциальный город Лубенец сегодня с раннего утра был необычайно оживлен. Казалось, все 80 тысяч его жителей, 42 тысячи женского пола и 38 — мужского, вышли на улицы. Общему оживлению способствовала и погода, ясная, тихая, уже с раннего утра по-июньскому жаркая.

Алексей Родионович Кумарин, коммунист, секретарь местного партийного комитета и бывший продгубнарком,¹ и его жена Наталья Степановна, коммунистка, член искомпрофсопрач,² встали раньше обычного и были хмуры. Предстоящее торжество их не веселило, и смотреть в окно было противно.

Везде, куда ни поглядишь, веяли или тяжело на безветрии никли в них длинные и неширокие желтые флаги с начертаниями темно-синих драконов. Правда, было много флагов красных: новая власть не склонна была запрещать плакаты, флаги, стяги, хоругви, знамена, звоны, слова, речи, газеты, книги, собрания, митинги, стачки, забастовки, бойкоты, локауты и все другие изъятия мысли. Она довольствовалась тем, что не допускала безнаказанности преступных действий. Опиралась же она на совершенное нежелание широких масс населения бунтовать, так как она ухитрялась:

1. Доставлять населению бесплатно [хлеб, сахар, соль, масло, молоко, одежду, обувь, освещение и отопление по] предметы первой необходимости в пределах потребительной нормы.
2. Продавать населению дешево монополизированные товары (чай, сахар, вино), не стесняя и частной торговли.
3. Предоставлять бесплатно по одной комнате в специально для того построенных отелях каждому желающему, здешнему или приезжему, для чего такие отели постоянно строились во всех городах.
4. Иметь в своем распоряжении бесплатную рабочую армию, в которой каждый и каждая, достигши 15 лет, должны были работать не менее 1500 часов в год до тех пор, пока не поработают 50 000 часов. Каждая тысяча рабочих часов давала на всю жизнь право на получение бесплатно [во всю жизнь] каких угодно товаров в казенных магазинах на сумму 100 р. в год.
5. Держать все цены на низком уровне.

¹ *Продгубнарком* — продовольственный губернский народный комиссариат.

² *Искомпрофсопрач* — пародийное авторское словообразование, вероятно: исполнительный комитет профсоюза советских прачечных.